

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бей=411.2)6-44
П41

Редактор НАТАЛЬЯ НАРЦИССОВА

Побяржина Х.

П41 Другие ноты : [роман] / Хелена Побяржина. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-00223-300-7

«Другие ноты» — роман-пасьянс на 104 главы, которые, подобно 104 картам, можно тасовать и читать в предложенном автором порядке или собрать две колоды и попробовать проследить историю линейно.

Эта книга — об истоках молчания, о незримых причинах, которые его культивируют, и о том, как травматична недосказанность, о рождении музыки и человека, о смерти — музыки и человека, предательстве, горе и преодолении себя. Нам часто хотелось бы прожить жизнь иначе — стать кем-то другим или вообще поменяться с кем-то местами. Но можно ли изменить свою жизнь и войти в одну реку дважды, если пасьянс не складывается?

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бей=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

*Татьяне Соловьевой, которая спросила:
есть ли в работе еще какой-нибудь текст? —
и я соврала, что да*

На самом деле каждый из нас —
театральная пьеса, которую смотрят
со второго акта. Все очень мило,
но ничего не понять.

Хулио Кортасар. Игра в классики

Чайки взмывают вверх, обретая легкость и стройные фигуры-галочки, а приземлившись, втягивают головы, как тот тучный дядюшка, визуальнo лишенный шеи, у которого мы покупаем сливы, сытые и чопорные птицы расхаживают вдоль берега, визгливо перебраниваясь между собой. Море невинно пускает белые пузыри, кружевом пены оточает темную прибрежную гальку. Бесстрастные тела, подобно древним каменным истуканам, невозмутимо подставляют себя солнцу, сидя и лежа, иногда стоя, не шелохнувшись, устремляя взор прямоком в вечность, за линию дымчатого горизонта. Он кажется книжной абстракцией — в зыбком мареве акварелью растекаются пики гор.

Алькан — Эскиз № 15. *Tempo giusto*. Весело и торопливо Ида делает два неверных шага, путается в собственных ногах, падает на песок розовыми пятками вверх. У меня ухаet сердце.

Поднимайся, вот так, вот умница!

Навстречу семенит симпатичный кудрявый блондин лет четырех и элегантно бросает к ее ногам зеленый совочек. Его мать в оранжевом купальнике, похожая на белоногую креветку из рыбной тарелки, которую мы берем на ужин, дремлет

на соседнем шезлонге. Строительство песчаного замка — увлекательное и всепоглощающее занятие. Пожалуй, песок здесь слишком сухой, ничего у блондинчика не выйдет. К тому же скоро полдень, под ногами заструится раскаленная лава, сверху начнет кусать ядовитое и опасное солнце, у меня на него аллергия, лучше пойти домой. Странное понятие: «домой». Люди обращаются к нему вместо того, чтобы сказать «пойти в дом». Ведь это чужой дом, в нем чужая комната без полного пансиона, зато с предоплатой, где стоят чужие кровати, висят чужие гардины и жалюзи, зеркало, которое впитало в амальгаму десятки чужих лиц, а мы говорим «домой», будто это наша собственная комната, разумеется, мы согласились на эту комнату и в какой-то степени сделали ее своей, но все-таки, ты не задумывался об этом, нет, я не задумывался, ай, какой ты холодный, Мечик обнимает меня за плечи, прижимаясь мокрой грудью к моей горячей спине, пора собираться, иначе у меня разболится голова.

Мелкая галька неприятно шуршит, когда ребенок пытается расковырять песок лопаткой, этот звук вызывает во мне физическое отвращение, Мечик смотрит на блондинчика каким-то особенным, долгим взглядом, он никогда не заговаривает о том, что хотел бы, положим, иметь сына, никогда не пускается рассуждать об этом вслух, так уж он устроен. Нельзя назвать Мечика слишком тактичным, отнюдь, просто он не умеет проговаривать свои чувства, остается только догадываться, о чем

он думает, есть вещи, которые не в состоянии озвучить даже он.

Я складываю полотенце, и во мне растет непреодолимое желание взять с собой несколько прибрежных камушков, их здесь много — гладко отполированных, матовых. Те, что побольше, похожи на желуди. Те, что поменьше, — на любимое мамино драже. Я иду к воде, точно во сне — какими-то абсолютно отсутствующими ногами. Но я возьму камушки именно отсюда и именно сейчас. Глупое желание. Впереди еще двенадцать дней. Однако нужно быть последовательной. Вдруг уже получилось? Вдруг я еще не знаю, а уже победила. Камушки ознаменуют мой триумф. Я отдам их когда-нибудь Иде и скажу: вот, подобрала их в тот день, когда сорвала самый большой джек-пот в своей жизни. Можно будет не исповедоваться, не пускаться в какие-то излишние подробности, смышленная малышка — она и так все поймет. Просто отдам ей их как символ, сувенир, памятку. Много брать не стану. Возьму тот и вот этот. Или этот. Зажимаю в ладони два: голубой и оранжевый.

Мечик удивлен, и я зачем-то оправдываюсь, мягким-мягким голосом:

— Они мне нравятся...

— Ты пойдешь с ними обедать?

Мальчик следует моему примеру, складывает в ведро все камни подряд с видом человека, имеющего на них исключительное право. Ида терпит к нему интерес. Я тоже.

— Думаю сегодня попробовать фасолевый суп, — говорит Мечик, нырнув в майку-безрукавку и забирая у меня пакет с покрывалом. И галькой. — А со вторым еще не определился.

Арабеска Дебюсси в исполнении арфы звучит особенно усыпляюще, особенно в знойный полдень, особенно в столовой.

— Кстати, ты думаешь, это столовая? По-моему, это у них называется рестораном.

— Кафана, это называется у них — кафана. Ресторан — что-то более претенциозное, здесь не распространено, ты не передумала, снова будешь пюре?

Сквозь спущенные жалюзи неуверенно заглядывает солнце, но у него нет шансов и здесь хороший кондиционер, Мечик улыбается, заинтересованно изучая меню, в дверях мелькает несколько цветастых сарафанов, они стремятся выйти, но пропускают двоих детей, которые пулей проносятся мимо нас, гремят стульями и шумно заявляют о себе за столиком в конце зала, прежде чем их родители успевают ревоплотиться, я не отвечаю, думаю, что мне нужно будет научиться заплетать Иде такие косы, как у старшей девочки, думаю, что да, пюре, сейчас он скажет: ах ты моя картофельная душа!

Он говорит.

Еще он говорит: стоило ли ехать в такую даль, чтоб отведать голландской или... Откуда к ним может быть картошка завезена?

Официант — невысокий, коренастый, исполнительный мужчина средних лет, который обслуживает нас третий день подряд, робко улыбается и пожимает плечами: без понятия, откуда, и убирает пепельницу, здесь они на каждом столе, но он уже знает, что мне это не нравится.

Дебюсси обрывается, точно в кране перекрыли воду, серебристые ноты сносит стремительным потоком каких-то черноморских мотивов, мы делаем заказ, мне и Иде — пюре и какую-то котлету без всяких премудростей, Мечик улыбается: это не котлета, это плескавица, говорит: и соль, пожалуйста, принесите. Официант с достоинством удаляется, немного напоминая услужливого снеговика в своей белой униформе. Мечик ее непременно просыплет на скатерть, эту соль, как вчера, и завтра будет то же, он не умеет пользоваться элегантно и расторопно такими специальными предметами, как солонка.

Мечик говорит: ты ему нравишься, этому официанту. Или твои чаевые.

Света в окнах домов почти нет. Кое-где только слабое мерцание — включенные телевизоры. Окно на первом говорит голосом знакомого актера. Дом девятиэтажный, думает она. На каждом этаже по четыре квартиры. Девять на четыре — тридцать шесть. В одной квартире в среднем живет по четыре человека. На самом деле, может, и больше, чем по четыре. Такой непонятный дом... Но если приблизительно... Тридцать шесть на четыре — сто сорок четыре. В подъезде живет около ста сорока человек. Это ужасно много. Сложно представить такое количество знакомых, думает она. А эти сто сорок четыре ежедневно меня окружают. Я в одной бетонной коробке с ними. Поэтому так мало тишины и так много звуков. Какой-нибудь дедушка, допустим, на всю катушку (возрастные проблемы со слухом) включает вечерние новости, вторит профессионально сдержанным голосам дикторов. Какой-то второклассник, допустим, или второгодник вырвал из дневника страницу с замечанием, но родителям учитель уже доложил (сейчас хорошо со связью): родители не цивилизованные, не умеют найти подход к ребенку иначе, чем криками на ночь глядя. А где-то сверху, допустим,

влюбленная девушка (любовь, разумеется, первая) слушает тихо лаундж (эта девушка, кстати, может быть сама — композитор, и эта музыка в наушниках — ее собственная), улыбается своим мечтам, ничего, кроме своей любви, не чувствует, не слышит ничего, кроме своей мелодии, которая вплетается в ненормированную по громкости и смыслу музыку ее соседа с четвертого этажа, того, который... Он кричит и кричит. По вечерам, к счастью, сейчас реже. Больше утром. Это какая-то болезнь или душевное расстройство. В доме пять подъездов. Пять на сто сорок четыре... В одном доме живет население нормальной такой деревни. Семьсот двадцать дворов. Чужие люди, которых я не замечаю, которые меня не замечают, проходят мимо, чаще всего безучастные и неуязвимые, счастливые или одинокие, или счастливые своим одиночеством.

— И не страшно? Так поздно одной на улице... — спрашивает мужским голосом выросшая из-за угла тень.

— Нет. Я уже ухожу.

— Домой?

«Домой» — такое непостижимое слово, длинная-длинная рельса, на ней пункты, где она останавливается, останавливается, остановки не по требованию — вынужденные остановки. Теперь она никогда не спотыкается на слове «дом». Если в этой высотке, в одной из квартир, которую ей сдали по объявлению «без агентств», она *сейчас* живет,

значит, это ее дом. По крайней мере на сегодняшний день.

Тень медленно превращается в молодого человека.

— Давай знакомиться. Как зовут *тебя*?

— Неважно, — говорит она и изображает на лице улыбку. Улыбается не ему, а просто в пустоту. Чувствует себя безрассудной. Понимает, что не войдет в подъезд первой, несмотря на растущее желание развернуться и уйти. — Обычно отвечают: какое интересное имя — Неважно... или что-нибудь в этом духе... Но, видите, я вас опередила.

— Ну, если это такая большая тайна...

Он продолжает топтаться на месте и, конечно, украдкой разглядывает ее: светлые, с пепельным оттенком волосы собраны в хвост, толстый коричневый, затрапезный свитер, джинсы с оттопыренным карманом — там лежит «Нокия», домашние тапки на босу ногу. Она представления не имеет, как выглядит со стороны, но надеется, что ничего особенного. Ничего из ряда вон. Растекшейся туши, например. Которую подчеркнет этот странный вечерний свет. Ей становится неуютно от осознания своего эгоцентризма и желания понравиться — с какой стати? И ей совсем неинтересно, как выглядит он. Она обнимает себя обеими руками, прислоняется к стене, отводит взгляд. Равнодушно смотрит, как багряные сумерки стелются по земле, выделяя углы домов и растекаясь по асфальту, — такой приглушенный свет, будто кто-то не решается выключить

бра, будто погасить свет можно, только основательно подустав.

— Ты не особенно вежлива... Проблемы?

— Просто нет времени на этикет.

— Извини. Мне показалось, что ты не очень занята. Ты из этого подъезда?

— Допустим, да, — тускло отзывается она.

Что-то с мягким шелестом перекачивается в метре от них. Кот прошмыгнул или мышь, она невольно вздрагивает, у нее плохо с любовью к живой природе.

— Нет, ты не подумай, что я бесцеремонный... Просто вдруг мы станем часто встречаться?..

Стена впиивается ей в спину колючими слезами штукатурки, как акупунктурный аппликатор, которым часто пользуется отец при ревматических болях.

— Не станем, я скоро уеду из этого района. Здесь есть достопримечательности?

— Что? — Он удивленно хмыкает.

Мимо них из сумрака подворотни трусит мастиф с недовольной мордой, волоча на поводке хозяина с таким же выражением лица.

— У меня есть друг, я с ним, кстати, скоро встречаюсь, так он такой же, как ты, замкнутый, слова не вытянешь... Вас бы познакомить... А ты не знаешь, что тут за история была на третьем этаже?

Она решается взглянуть на него. Парень как парень. На вид лет двадцать, ровесник.

Темноволосый, худой, угловатый. Сутулится — из-за роста? Неуверенности в себе?

— Какая история?

Он встречается с ней глазами, отводит взгляд, разом засмутившись, вскидывает голову, улыбаясь. У него приятная улыбка, отмечает она.

— Там, короче, девушка какая-то повесилась на кухне. И ее труп не сразу обнаружили. Неужели ты не в курсе? Теперь эту квартиру сдают... Но там долго никто не живет: все боятся покойников. Кто сейчас на третьем, не знаешь?

— Я, — говорит она.

— Жесть... — Парень сконфуженно смеется, проводя рукой по лицу и притопывая ногой.

Звонок телефона на улице в этот час звучит гулко, точно эхо из колодца. Таррега и не подозревал, что спустя сто лет так извратят его мелодию. Парень бессознательно делает шаг назад, она быстро достает из кармана сотовый, пристально смотрит на него. Обычно она или сразу отвечает, или отключает звук. Но не сейчас.

Раз... Два, три, четыре, пять...

— Что с тобой? — спрашивает парень почти возмущенно.

Она считает вслух, поначалу сама того не замечая.

— Такая игра... Шесть, семь, восемь... Девять, десять, одиннадцать...

— Зачем ты считаешь?

— Четырнадцать... Пятнадцать... — Она качает головой, призывая его замолчать. — Шестнадцать,

семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...

Остановилась. Потому что телефон замолчал.
Звонков без ответа: 1.

Она долго смотрит на сотовый, но он больше не воскрешается.

— Поссорилась с кем-то, да?

Вопрос выводит ее из оцепенения, она отвлекается от своих мыслей, вспоминая о чужом присутствии.

— Нет. Я жду, наоборот... Когда меня заберут.

— Кто? Если не секрет...

Она удрученно рассматривает свои тапки.

— Не секрет. Кто-нибудь...

— Странная ты, — говорит парень и смеется. — Хочешь, я тебя заберу?

Она вглядывается в него сквозь вечерний полумрак, словно оценивая такую возможность.

— Не ты, нет, не ты...

Он картинно вздыхает, качает головой. Она слышит, как за спиной с грохотом открывается лифт и кто-то вскачь преодолевает ступеньки. Нетрудно догадаться, что этот кто-то — друг ее нового знакомого.

— Идем? — спрашивает он, минуя ее, как колонну, и ударяет кулаком о кулак знакомого в качестве приветствия.

— Нужно точно знать, чего ты хочешь, — говорит парень, впервые без смущения.

— Спорим, что ты не загадала никакого числа, когда считала?

«В профиль он красивее», — думает она, глядя на парня и игнорируя его вопрос.

— Ничего изменить нельзя, если не предпринимать никаких попыток... перемен.

Какое-то время они молча смотрят друг на друга, второй парень недоуменно поглядывает на них обоих. Она сдаётся, отводит глаза, снова прислоняется к стене, слышит вопрос: «Кто это?», но не слышит ответа — парни быстро растворяются в сумерках.

Она смотрит на небо. Думает о том, что уже поздно. Трогает оттопыренный карман.

Ты слишком к нему привязалась, слишком, думает она. Это ни в какие ворота.

Зарядное к телефону, я забыла, куда его положила. Вытаскивала из сумки или нет, забыла. Конечно, вытаскивала. Вчера на ночь заряжала, а сегодня у телефона был насыщенный день. Вчера он запечатлел лишь миллион фотографий одного заката. Сегодня миллион фотографий меня возле одной пальмы (ни одной хорошей меня, пальма хороша, даже лучше, чем в жизни). Два миллиона фотографий Мечика, я всегда фотографирую его больше и лучше. Прошу поменять позу, подбираю ракурс, замечаю детали. Жду квадратик на экране, чтобы картинка не плыла, жду, когда пройдут полуголые люди, высушенные на солнце темно-коричневые туземцы, розоватые корпулентные туристки неопределенного возраста с детьми.

На фото, сделанных мною, Мечик пребывает на фоне красоты. На фото, сделанных Мечиком, смазанная я на фоне чего и кого угодно.

Ты и так красивая, говорит Мечик.

Конечно, я красивая на размазанных фото, с задней частью собаки за спиной, с ногами, стремящимися вывернуться наизнанку, почему ты никогда не скажешь мне, чтобы я не сутулилась, вот тут же ничего, но ты обрезал мне полруки

зачем-то, нужно смотреть на меня в перспективе, понимаешь? Я смотрю на тебя, а про перспективу забываю, какие у нас перспективы по поводу ужина, кстати. Не трогай меня, ни одного стоящего кадра, я злюсь, я хотела больше не носить это платье, а теперь придется снова его надевать, и только попробуй не сделать мне в нем хоть один приличный снимок.

Приличный ужин, спросил он, на набережной посидим, как порядочные, или так: вино и виноград.

Я не буду вино, нет, давай, если хочешь, прогуляемся, сегодня я не пью, почему должна обязательно болеть голова, ничего у меня не болит, впрочем, мы же не можем пить каждый день, даже если это и вино. Я знаю. Знаю, что полезно, так все говорят, но думаю, что вино из местных погребов, собранное из ошметков винограда по цене три евро за литр, это не тот напиток, который приносит пользу. Ничего не предлагаю. Предлагаю выпить одному, если у тебя такая невыносимая потребность, выпей, пожалуйста, сходи в магазин, купи. Можем сходить вместе, если хочешь. Ты не видел зарядное? Мама написала, спрашивает, как погода и все ли хорошо. Доложила, что купила острый перец и много сладких помидоров, значит, мы обеспечены аджикой на зиму. Нет, я не брала твой телефон, почему-почему, просто женщины расторопнее отвечают и любят поболтать, а ты вообще игнорируешь эсэмэски, ты их и не читаешь, зачем тебе писать. Я не ворчу, это ты ворчишь,

я помню, что опасно оставлять, ты как ребенок, я включу потом, когда мы вернемся, главное еще его найти. Твои плавки в ванной, до сих пор мокрые, наверное. И смени футболку, эта плохо пахнет. Я снова пойду в этом платье, щелкнешь меня на фоне заката, тогда уж на свой — щелкнешь.

Когда Ида подрастет, научу ее делать красивые снимки. Жаль только, что, когда она подрастет, количество моих морщин не компенсирует ни одно хорошее фото. Да и прежде неизбежно будут гигабайты запечатлений этой сладкой девочки, еще очень долго. Спящей и бодрствующей, плачущей и хохочущей, может, и не нужны мне скоро станут собственные отражения... Но что-то же нужно будет оставить ей, кроме недоумения. За нами и без того как минимум два поколения, озадаченных тем, как выглядели их предки, пытающихся вытрясти душу из мятых, недопроявленных фотопленок. В старину хоть портреты рисовали...

Вот оно, зарядное, это ты его сюда сунул, не иначе.

С лава заходит в комнату, озирается по сторонам. Она вдруг видит бардак его глазами. Повсюду разложены листы формата А4: на диване, столе, стульях. На полу кружка с давно остывшим чаем. Наверное, вообще вчерашним. Она поднимает ее, ставит на стол как можно непринужденнее, рядом кладет цветы, как можно увереннее, пряча чувство неловкости куда-то вглубь. Куда-то за пазуху.

— Ты пишешь на «Снегурочке»? — спрашивает Слава. Совершенно непроницаемый. Никак не реагирует на беспорядок.

— У меня закончились тетради. А еще я пишу карандашами. Так проще.

— Ты же по мне скучаешь? — нелогично спрашивает он.

— Да, я скучаю *без* тебя.

— Такой образ жизни... Так продолжать нельзя. Ты что-нибудь ешь?

Он берет со стола вазу, по-хозяйски идет в кухню, открывает кран. Она слышит шум льющейся воды, слышит щелчок — он включает газ, слышит нервное дребезжание чайника, который он ставит на плиту. Она берет первый попавшийся лист, быстро записывает голубым карандашом

по белому то, как он вышел, а на самом деле она — вышла из комнаты, включила воду, наполнила ею вазу из тонкого стекла, узкую, неподходящую для таких высоких цветов, зажгла газ, такой же голубой, как карандаш, передвинула чайник на включенную конфорку, открыла форточку — снова щелчок... и выбросила свои сигареты.

Он недоволен. Возвращается, не глядя на нее, ставит вазу с водой на столик рядом с ее креслом, берет один из листов формата А4 и карандаш, неровным и некрасивым почерком пишет что-то, кладет это что-то ей на колени.

Ты обещала бросить.

Прости, — быстро пишет она.

— Извинения принимаются... Все-таки странно, что ты не любишь цветы, — говорит Слава, — нетипично для девушки.

Она обрывает листья на стеблях, ставит хризантемы в вазу, чередуя ветки с малиновыми и белыми цветами.

— Все мужчины втайне жалеют свои денежки, когда тратят их на букет. Так не все ли равно, есть цветы сейчас в вазе или их нет, спустя пять дней они станут неживой природой. Они уже — неживая природа, уже источают тревожное ожидание смерти, мы только что приговорили их.

— Мне не жаль для тебя ничего. Ни цветов, ни денег.

— В Китае, по слухам, заявиться в гости с цветами — моветон: тем самым ты уличаешь хозяйку в сомнительности красоты ее жилища.

А в общем, мне все равно. Я почти никогда не обращаю на цветы внимания, — говорит она, опускаясь в кресло и больше не глядя на вазу.

— Ты думаешь, это хороший фильм? — спрашивает Слава, без остановки кружа по комнате.

Кажется, сейчас ни одно место его не устроит. Он меряет комнату шагами, тень мягко стекает со стен на пол, перемещаясь следом. Она наблюдает за тенью, а не за Славой, и за мириадами золотых пылинок, которые ее окружают.

— В афише заявлено, что драма, а я в последнее время склонна смотреть только драмы. Они реалистичны, с печальными сюжетами, и есть смысл тогда ожидать счастливых концов в жизни. Это моя внутренняя философия. Кирилл, кстати, согласен со мной, мы как раз рассуждали на эту тему.

— Между вами что-то было? Я имею в виду — когда-нибудь?

Она отвлекается от Славиной тени, смотрит на него с улыбкой.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто спортивный интерес, — говорит он, избегая ее взгляда.

Она невольно думает, какой он красивый. Высокий. Спортивный. И неуверенный в себе.

— А как бы ты хотел? Чтобы было или чтобы не было?

— Если не хочешь, можешь не отвечать, я просто так спросил.

— Кирилл похож на меня, так бывает: находится человек с идентичными сомнениями

и пристрастиями. Но притягиваются исключительно противоположности. Только вот счастливы ли они потом?.. И мы действительно познакомились всего неделю назад, ты не веришь? Когда я ждала твой звонок.

— Значит, не было?

Она перестает улыбаться, солнечный луч освещает ее, сидящую в кресле, Слава подходит к стеллажу, делает вид, что изучает корешки книг. Она сняла эту странную квартиру из-за этого стеллажа.

— Ты меня уже ревнуешь.

— Немного странно, что ты ждала звонок на улице... Где внезапно возник этот Кирилл...

— Может быть, стоило взять билеты на дневной сеанс, — рассуждает она, игнорируя его реплику. — В спальном районе вряд ли толпами ходят на премьеры.

— Какая разница — днем или вечером пойти в кино? Мы встречаемся уже больше года. И почти месяц не виделись. Однако складывается впечатление, что ты скучаешь, когда я далеко, и не знаешь, как себя вести, стоит мне оказаться рядом, не понимаешь, о чем со мной говорить, и вообще у тебя такой вид, будто ты недоумеваешь: что он делает в моей комнате? А я просто не хочу тебя потерять, понимаешь? — Слава произносит свою пламенную речь, обращаясь к книгам, не глядя на нее. — Нам нужен опыт совместного проживания. Я уверен. Пора рискнуть.

Похоже, он репетировал. Возможно, даже писал текст на бумажке. Он считает дни с их знакомства,

это так трогательно. Конечно, никаких «больше года» — тут он дал маху, годовщина будет только в ноябре, но сам факт... Он считает дни, когда ее не видит. Или когда видит.

— Это правда, — соглашается она. — Правда, что я привыкла жить одна и никогда не проводила много времени с другими людьми.

Отчаянный вопль человека сверху и наскоро включенная песня для его мнимого успокоения оглушают их, Слава недовольно морщится и вздыхает.

— Ты жила в общежитии с другими людьми. И здесь, здесь почти как общежитие из-за этих криков, невозможно. Макс съедет в счастливое семейное будущее приблизительно недельки через три, так что нам не придется искать квартиру. Я заберу тебя, и мы будем жить вместе, почти в центре, здорово?

Она машинально собирает оборванные ажурные листья хризантемы со стола.

— У меня столько всего, и книги еще...

— Только не говори мне, что ты не поедешь и останешься здесь...

— ...тем более что собрать вещи — не проблема, — устало заканчивает она.

Крик и музыка обрываются, они смотрят друг на друга. Славу расстраивает этот разговор, и ему не удастся это скрыть.

— Извини. Просто я стану очень зависимой и... В общем, все не важно. Я хочу начать писать. И мне нужно одиночество.

— Ты и так пишешь. — Слава присаживается на корточки рядом с ее креслом.

— Я серьезно.

— И я. У тебя есть потенциал, почему бы и не попробовать, — говорит он, кладя голову ей на колени.

— Ты правда так думаешь?

Нечленораздельные звуки сверху перекрикивают пение Хворостовского. Слава морщится.

— Я думаю, что тебе нужно учиться дальше. Получить высшее образование. А тебя правда интересует мое мнение?

Он смотрит на нее снизу вверх, она оставляет холмик из листьев на столе, проводит рукой по его голове.

— Очень хорошая стрижка в этот раз, ты мне нравишься таким. На тебя обращали внимание девушки на улице, когда мы шли сюда. Ты, вообще, такой... вызывающий неосознанный интерес в общественных местах, я заметила.

— Не переводи тему...

— Мой образ жизни приведет тебя в отчаяние.

— Я смирюсь.

Ультразвуки сверху падают и окружают со всех сторон. Кажется, весь мир подвержен этой акустической силе, а они сейчас в мире, который не больше тонкого, картонного, ничем не защищенного спичечного коробка.

— Хорошо. Перееду и буду жить с тобой. Оттуда мне ближе до работы. Можешь думать, что это — корысть с моей стороны.

— И с моей. Ведь у тебя на пути не возникнет больше никакой Кирилл.

— Ты — проходимец! — Она улыбается и целует его в щеку. — Не переживай, я познакомила Кирилла со своей подругой.

— А ты — полтергейст. Совершенно необъяснимое явление.

Он берет ее на руки, круто развернувшись в направлении дивана, усаживается вместе с ней на коленях, обнимает, уткнувшись лицом в ее волосы.

— Я хочу придумать тебе ласковое прозвище, но пока не могу понять, кто ты такое. — Слава бережно, точно статуэтку, укладывает ее на диван, моментально снимая с себя майку. — Котенок, щенок, зайчик, рыбка...

Она улыбается, отрицательно качая головой.

— Ага. Зоопарк. Еще: беленькая, маленькая, буся, синка, цветочек, но ты не любишь цветов, ягодка — ужасно! — Он смотрит на нее, не мешая ей добровольно раздеваться. — Инопланетянка. Колючий ежик. Лягушонок, конечно. Но ты обидишься.

— Солнышко, — говорит она.

— Че-ре-паш-ка, — торжественно заключает Слава.

Они целуются долго, не закрывая глаз и не мигая до слез, пока смех не вырывается наружу и его становится невозможно сдержать.

— Никакое ты не солнышко, — шепчет Слава. — Иногда — тучечка, иногда — небочко.

Человек сверху отчаянно кричит, срываясь на фальцет.

По счастливому стечению обстоятельств мы сняли эту уютную виллу, а не отель. В отелях есть что-то казенное, даже самые симпатичные из них редко бывают уютными. В вилле мы занимаем самую обычную комнату на втором этаже, обитую деревянными планками, с двумя кроватями, бойлером и маленькой открытой террасой, но в ней есть атмосфера. В любой момент я могу представить себя в бунгало любой экзотической страны, где солнце всегда жаркое, жизнь вечная или по меньшей мере многообещающая, загар никогда не смывается, по крыше скачет какая-нибудь безымянная птица счастья. Однажды мы поедем в такую страну, вот Ида подрастет, и поедем.

Между нашей и соседней вилами по вечерам бьет прелестный фонтанчик, так что стоит закрыть глаза — и под его серебристое журчание можно перенестись куда угодно. Или, действительно, сбежать на цыпочках, пока Мечик, точно ребенок, отсыпается вместе со всеми младенцами мира с двух до четырех, унести вприпрыжку по нотам вальса № 7 Шопена. Второй вальс, дорогие дети (также известен как «Седьмой вальс», являясь седьмым по счету в творчестве композитора),

написан в до-диез миноре и посвящен Шарлотте де Ротшильд. Это один из самых поэтических и меланхолических вальсов в творчестве Шопена. Состоит из трех главных тем, чередующихся между собой. Первая тема спокойная и неспешная, позволяет спуститься по улице Вели Виногради, любуясь лиловыми гроздьями бугенвиллей, уже выгоревших на солнце ржавыми пятнами, фуксиевыми соцветиями олеандра, меховыми спинками пчел, кружащих над фиговыми деревьями; почти вприпрыжку пускаешься под пассажи второй части, минуешь дядюшку, который машет, будто старой знакомой, предлагая купить сливы, отказываешься, нет, и персики нет, быть может, на обратном пути, входишь во двор отеля, ультра-мариновыми глазами ставней плящегоса на старика, спящего под тентом на стуле, сюда подойдет что-нибудь из Брамса, пожалуй, опус 118, минуешь этот отель, еще отель, живописную масляную композицию с сохнувшим бельем на белой стене одного из них по дороге на Словенский пляж. Горные массивы вдали кажутся выцветшими фотообоями, пальмы — войлочными декорациями. Крыши домов — апельсиновой кожурой, подвяленной на солнце, дома — скукоженными плавленными сырками. Задать тональность дню помогает запах влажного, нагретого солнцем песка, пока шагаешь в ритме прелюдии соль минор Рахманинова, немного переигрывая и скатываясь в танго с тенью, смотришь, как навстречу выходит море, как солнце сеется на него алмазной россыпью,